

С. Шахновская

Проблема единого финансового плана¹

„Теория“ и история финансового планирования

Построение планов отдельных отраслей и сфер общественного хозяйства исторически следовало за ходом хозяйственного развития. В условиях восстановительного периода, в соответствии с его общим характером и направлением, происходили наши опоздания с разработкой перспективных планов. Импульсом к построению последних служила настойчивая необходимость в полной реконструкции народного хозяйства.

Построением „контрольных цифр“ (годовых) и „перспективных планов“ (пятилетних) намечается переход от отдельных оперативных планов к единому хозяйственному плану.

Вместе с тем, в области финансового планирования было время (1925/26—1926/27 гг.), когда упорно протаскивалась „теория“ о том, что финансы на участках денежного обращения и кредита не поддаются планированию. Исходным пунктом этой теории является признание невозможности сочетания планирования и регулирования с денежной системой, как основным регулятором капиталистического хозяйства. Отрицание возможности сочетания планового начала со стихийным регулятором приводит к противопоставлению плана науке, плана стихии и признанию того, что стихия сильнее всего. Невозможность планирования денежного обращения и кредита возводится в методологический принцип. Больше того, и в настоящее время считается, что эмиссия имеет только дезорганизующее значение и что введение ее только свидетельствует о несовершенстве нашего планирования.

„С эмиссией у нас связываются до сих пор представления“, — говорил проф. Юровский на V С'езде Госпланов, — „для которых в нашей системе не должно быть места. Эмиссия, даже инфляционного характера, в системе частного хозяйства по временам может иметь свой смысл в качестве дополнительного способа извлечения ресурсов (хотя она всегда имеет и дезорганизующие последствия). Но какой смысл она может иметь в наших условиях, когда размер потребления в отношении рабочего класса предопределен и когда

соотношения с крестьянским сектором хозяйства также предусматриваются планом. В этих условиях излишняя эмиссия имеет только дезорганизующее значение. Если, несмотря на это, мы продолжаем смотреть на эмиссию, как на дополнительный ресурс, то это есть следствие несовершенства нашего планирования“.¹

Чтобы доказать дезорганизующее значение эмиссии и несовершенство нашего планирования, проф. Юровский приводит, по существу, всего лишь один аргумент. Если финансы предопределены хозяйственной концепцией плана, то им ничего не остается дать. В условиях капиталистического хозяйства, где нет экспансии хозяйственного плана, там финансовая система, считает он, и, тем самым, эмиссия, даже инфляционного характера, обладает большей маневренностью. Отсюда, в наших условиях, она (эмиссия) не только теряет свой смысл, но и является фактором дезорганизующим.

Она становится хвостиком, который лучше отрубить, чем удлинить. Таким образом, из этой теоретической концепции, ясной и простой, логически вытекает отказ от планирования эмиссии. Проф. Юровский строит свою концепцию исключительно на эмиссии инфляционного порядка. Вместе с тем, нет никаких принципиальных оснований считать, что нашим условиям присуща „инфляционная“ эмиссия.

Во всяком случае, предопределения планом размера потребления рабочего класса и соотношений с крестьянским сектором не являются основаниями для такого характера эмиссии. Они (предусмотренные размеры потребления рабочего класса, соотношения общественного и частного сектора, показатели товарооборота и производства и т. п.) являются, наоборот, теми факторами, учет которых дает возможность проектировать вероятную и необходимую эмиссию.

Что касается принципиального выгораживания условий капиталистического хозяйства, то здесь следует отметить только одно обстоятельство. Инфляция, имевшая место в любой капиталистической стране, в том числе и Америке, ни в коей мере неприложима к нашим условиям. Характер и природа ее иные (об этом подробнее смотри нашу статью „Вопросы современного денежного обращения“ в № 11 „Плановое Хозяйство“ 1928 г.). Принципиальное признание в наших условиях „эмиссии инфляционного характера“ и соответствующие выводы из этого об ее дезорганизующей роли и несовершенстве нашего планирования свидетельствуют, в конечном счете, о том, что проф. Юровский остается на старой позиции — невозможности планирования эмиссии в условиях СССР.

За признанием невозможности планирования финансов скрывались недооценка принципиальной сущности и роли советских финан-

¹ Настоящая статья представляет собою переработанный доклад, прочитанный на конференции по финансовым вопросам пятилетнего плана в Госплане СССР.

¹ „Проблемы реконструкции народного хозяйства СССР на пятилетие“. Изд. „План. Хоз-во“, М. 1929, стр. 456.

сов в общей системе хозяйства и планирования, а также скрытые и явные апологетические устремления буржуазной финансовой науки.

В течение 1925/26—1926/27 гг. НКФ ограничивается составлением плана по бюджету. В этот период отдельные попытки Госплана включения в единый хозяйственный план разрозненных вопросов финансовой политики не получают окончательного оформления и не дают должных результатов. В этом отношении резкое расхождение между планом и действительностью в области денежного обращения и кредита (контрольные цифры Госплана на 1925/26 г. предполагали возрастание денежной массы на 150 млн. руб., т.е. на 9% — фактически же произошло увеличение на 328 млн. руб., т.е. на 24%, и равным образом вкладные операции должны были дать прирост на 24%, фактически же произошло отставание от плана в несколько раз и т. п.) нельзя принимать без критического анализа его. Вместе с тем, это расхождение было использовано в качестве дополнительного аргумента к теории неверия в плановое начало, утопичности и бесплодности обуздания стихии денежного обращения и кредита. Крайне ответственной и сложной задачей является определение потребностей товарооборота в денежной массе и воздействие на элементы стихийности. Тем не менее, это не может служить основанием для отказа от нее. Неполное предвосхищение тенденций, идущих от частного сектора, наличие диспропорций, конъюнктурные колебания, капиталистическое окружение — определяют границы планирования и отсюда невыполнение планов на сто процентов. Однако, ведущая роль принадлежит плановому началу. По мере усиления его, роста организованности народного хозяйства и отмирания саморегулирования стихийных процессов, сочетание методов планирования с денежной системой превращается в практическую проблему.

Недостаточная еще разработка проблемы единого финансового плана свидетельствует о том, какое специфическое место последний занимает в теории планирования. В этом направлении действует и единство задач народнохозяйственного и финансового плана. Лишь в самое последнее время проблема финансового планирования стоит в центре крупнейших экономических и финансовых работ. Методология, принципы, цели и задачи финансового планирования представляют крупную научную проблему. С этой точки зрения понятны разнообразие взглядов и наличие целого ряда ошибочных и не марксистских представлений.

Объективный диалектический монизм, как становой хребет теории Маркса, обязывает нас рассматривать явления в свете единства отношений. Не приходится говорить о том, что отсутствие единого финансового плана в течение ряда лет свидетельствовало о незавершенной системе планирования в целом. Именно, вследствие отсутствия общего финансового синтеза, финансовые проектировки пассивно следовали за хозяйственным планом, недостаточно разрабаты-

вались принципы налоговой, эмиссионной, кредитной политики, займов и накопления.

Впервые в конце 1927 г. выражается идея связи основных элементов финансовой системы в единое целое. Свое дальнейшее развитие эта мысль получает в идее единого финансового плана, сформулированной на IV съезде плановых работников в 1928 г. Понадобилась неуравновешенная конъюнктура последнего времени, чтобы от недооценки возможностей планирования советских финансов перейти к реализации идеи единого финансового плана. В настоящее время построен и утвержден Правительством пятилетний финансовый план. Разработка этой, до сих пор мало затронутой марксистским исследованием области выдвигает, прежде всего, ряд методологических проблем — определение объекта, методов и форм единого финансового плана. Устанавливая задачи и роль его в общей системе пятилетнего плана, мы подойдем к вопросу строения финплана по существу.

Чем сложнее задачи пятилетия, тем больше внимания должно быть сконцентрировано вокруг основных законов экономики и тем больше должно быть придано значения теоретическим обобщениям первого опыта построения финансового плана и финансового планирования за границей.

Теория и практика финансового планирования в Америке

Не трудно убедиться в том, что ни теория, ни практика финансового планирования любой капиталистической страны, в том числе и Америки, не в состоянии обогатить наш опыт.

В условиях капиталистического хозяйства „плановые тенденции“ монополистических объединений ограничены рамками анархической природы капитализма и представляют лишь учет стихийно меняющейся конъюнктуры. Построение на этой основе оперативных программ и частно-хозяйственных планов отдельных отраслей хозяйственного строительства заранее обречено на их внутреннюю несогласованность и противоречивость.

Raymond Bye (в докладе прочитанном в Пенсильванском университете „Централизованное планирование и координирование производства в советской России“¹) характеризует эти плановые тенденции капиталистической Америки следующим образом:

„В капиталистических системах такое общее планирование и координирование обычно отсутствует, в нашей системе есть известные элементы централизованного руководства, существуют тенденции концентрации предприятий. Финансовое проникновение банков в промышленность дает крупным финансистам возможность осуществлять контроль над целым рядом промышленных отраслей.

¹ „The American Economic Review“. March 1929.

Тем не менее, в общем, верно утверждение, что в капиталистических системах отсутствует сознательное общее планирование промышленности в целом... и дальше:

„Отдельные общества планируют свои программы на месяцы и годы вперед на базе точных статистических данных, но у нас отсутствует широкое планирование всего народного хозяйства в целом“...

„Проблематично, чтобы можно было осуществлять его без полного отказа от принципов капитализма“...

Тем не менее, в отношении финансового планирования тот же Raymond Вуе заявляет, что „контроль инвестиционных фондов могущественными группами банкиров напоминает до известной степени распределение капиталов советским правительством“. „Мы сами пошли так далеко, что составили обращающийся железнодорожный фонд, питаемый свободными прибылями финансов более мощных дорог и предоставляющий слабым дорогам нужные им капиталы“.

Однако, Льюис Лорвин, выступивший по докладу Вуе, правильно замечает, что „система централизованного планирования советской России не могла быть правильно понята, если рассматривать ее отдельно от финансовых учреждений и всего финансового механизма, положенного в основу русской системы производства“.

Контроль, осуществляемый федеральным резервным банком, когда он изменяет учетную ставку и когда биржа „пляшет“ под его мелодию, даже „до известной степени“ не напоминает учет и распределение капиталов в советских условиях, как это считает Вуе. Здесь, если роль учетного процента в этом отношении сведена на нет, то плановый учет ресурсов и плановое перераспределение их финансовой системой, для достижения поставленных целей приобретают исключительное значение. Финансовый механизм неотделим от хозяйственного механизма и не стоит над ним в качестве „контроля“. Он есть рычаг планового хозяйства, не претендующий на самодовлеющую роль регулятора темпов народнохозяйственного развития. И сам Льюис Лорвин признает, что „если у нас есть контроль, то у нас нет общегосударственного планирования“. Плановая система народного хозяйства требует, по Льюис Лорвину, три предпосылки:

„Одна — это постановка социальных задач, которые преследуются экономической деятельностью. Вторая — это учет ресурсов страны, как элементов, которыми пользуются для достижения общих целей. Третья — это научная техника, которая позволяет стране в любой момент иметь представление о максимуме ресурсов, которыми она может располагать в случае необходимости“. Если к этому, членораздельно, добавить, как одно из основных условий, социальную революцию, установление политической власти пролетариата, переход командных высот (промышленности, банков, транспорта, земли, внешней торговли и т. п.) в руки государства, то картина вырисовывается другая.

В ряде трудов и журнальных статей можно найти также указание на необходимость научного планирования и на невозможность такового в условиях капиталистического хозяйства. „Чтобы научно планировать продукцию, надо знать не только сколько и по какой цене может быть продано в данном производстве, но надо знать это и у других („The Statist“ „The problem of Business Forecasting“ April 16, 1927 г.). Однако в Англии лишь публикуются финансы, кредит, цены и экспортная торговля, но нет сведений, касающихся производства промышленных товаров и розничной торговли. Английская традиция считает это секретным делом, исходя из того, что раскрытие этой тайны поставит отдельные фирмы в неблагоприятное положение по сравнению с их конкурентами (Hardy and Cox, „Forecasting Business Conditions“ New—York 1927). Что касается Америки, то здесь федеральный резервный банк ведет особую кредитную политику в целях влияния на хозяйственную деятельность. Политика федеральных резервных банков может быть резюмирована за целый ряд лет следующим образом:

а) Когда торговля находится в спокойном положении, то федеральные резервные банки понижают ставку учета и покупают государственные фонды, чтобы стимулировать восстановление продукции и труда.

б) Когда торговля вступает в наивысшую полосу своей работы, тогда федеральные резервные банки увеличивают ставку переучета и ликвидируют запасы государственных фондов, в целях сжатия денежного рынка до размеров, необходимых для предупреждения ненормальной инфляции кредита и цен.

Такая кредитная политика осуществляется благодаря тому, что федеральные резервные банки располагают статистическими данными о современном производстве, имеют: список промышленных предприятий, запасов товаров, регистрацию товарных продаж, сводку новых приказов на покупку товаров и ценных бумаг и располагают данными об объеме розничной торговли.

Таким образом, сознательная кредитная политика сосредоточивается вокруг повышения или понижения учетной ставки. Во всем остальном следует стихийное перераспределение капиталов. В общем и целом, регулирование хозяйственной деятельности через кредит и валюту является лишь пародией на план.

К американской практике финансового планирования надо отнести также так называемое „бюджетное планирование“. Основное значение последнего заключается в том, чтобы обеспечить известную согласованность между производством, сбытом, снабжением и финансированием.¹ Таким образом, составляется своего рода „промфинплан“ на более или менее длительный период. Первым основа-

¹ См. книгу Дж. Мак Кинсея „Планирование коммерческих операций“. Изд. „Техника Управления“. М. 1929 г.

нием такого „промфинплана“ является исчисление разницы между себестоимостью и продажной ценой. Кроме того, производятся исчисления вероятного оборота капитала, необходимого основного и оборотного капитала, а также необходимых запасов по снабжению и запасов готовых товаров.

Американский опыт составления многолетних финансовых программ

Интересно проследить попытку Rightor'a („The preparation of a long-term financial program“ 1927 г.) на опыте планирования коммунальных финансов, установить методы составления многолетних финансовых программ, их обще-финансовые проблемы, увязку всех источников с расходными сметами и проектируемые мероприятия. Rightor считает, что финансовый план, рассчитанный на длительный период, не является безоговорочным и время от времени должен пересматриваться на основании опыта и применения его на практике. Длительный план „не может иметь определенности бюджета“.

В отношении методологических вопросов Rightor спрашивает, „что надо поставить на первом плане — оценку ли расходов или оценку доходов?...“ „Обе части программы... — отвечает он дальше, — независимы и должны составляться отдельно, но ясно, что прежде, чем план заканчивается начисто, они должны быть согласованы. Так, при составлении плана капитальных работ в первую очередь, должна быть рассмотрена расходная часть, но... с другой стороны, надо считаться с тем, что пределы расходования ограничены законодательными нормами обложения и размерами коммунальных займов.“ (Р. 15).

Тем не менее, в порядке общих финансовых проблем, Rightor спрашивает: „Должно ли обложение основываться на научной и справедливой базе?“ (Р. 28) По его мнению, разрешение этой и ряда других проблем должно дать:

1) снижение стоимости коммунального управления, 2) уравнение бремени налогов и 3) новые возможности обложения.

Все это вместе окажет воздействие на составление широкого плана капитальных коммунальных работ.

Отсюда, логически вытекает тот вывод, который Rightor делает, „что длительные и планируемые программы представляют ценность не только для чиновников, но в большей степени для плательщиков налогов и городов, по крайней мере для частичного решения своих проблем“. (Р. 28)

Мы не станем снова повторять наши соображения относительно практических возможностей планирования, в условиях капиталистической системы хозяйства. Однако, нельзя пройти мимо утверждения, что составление (даже десятилетнего) плана коммунальных финансов, в состоянии произвести уравнение бремени налогов и представлять, таким образом, ценность для плательщиков их. Это наивное

утверждение, прежде всего, игнорирует факт капиталистического строя. В равной мере оно основано на смешении понятий теоретической „справедливости“ и практического выражения ее в капиталистической системе хозяйства. Если даже по плану и науке будет найдена „справедливая“ база для обложения, то это еще не означает „справедливого“ обложения рабочего класса.

Книга Rightor'a дает известную систематизацию методов и проблем финансового планирования. В этом ее ценность. При скудости литературы по вопросам финансового планирования, она может быть использована, по преимуществу, в области техники коммунальных финансов.

Если американская научная мысль лишь мимоходом скользит по финансовому планированию, то зато она надолго останавливается на вопросах „хозяйственного предвидения“.

Американская литература „о финансовом и хозяйственном предвидении“

Одним из весьма распространенных представлений о „хозяйственном предвидении“ является представление, согласно которого „наука хозяйственного предвидения“ называется „новой отраслью прикладной экономики“ („The Statist“. „The problem of Business Forecasting“. April, 16, 1927 г.). Тем не менее, нередки и совершенно обратного порядка рассуждения. Так, Hardy и Cox („Forecasting Business Conditions“) считают, что „предвидение экономической деятельности не есть то же самое, что предсказание приливов и отливов, затмения солнца и даже погоды... Оно не научно, ни в каком строгом смысле слова... Колебания хозяйственной деятельности могут быть поняты только отчасти, ибо они (колебания) — продукты взаимодействия широких групп индивидуумов и эти отношения не подчинены закономерности, могущей в какой-либо мере быть воспринятой“. (Р. 3)

Aftalion же полагает, „что проблема предвидения остается слишком сложной и тонкой, чтобы мы могли тотчас достигнуть совершенных выводов. Не следует отрицать эмпирический характер полученных результатов, каковой совершенно естественен для работ чисто статистических“. ¹

A. Hickernell считает, что „хозяйственное предвидение не наука, равно как не наука медицинская практика и предсказание погоды; во всех этих трех областях может быть приложен научный метод и все они являются приложениями науки к практике“. ²

Из общих научных методов хозяйственного и финансового предвидения он различает „общий руководящий принцип и перекрещивающиеся тенденции“ (the cross currents).

¹ Aftalion. „Le problème des prévisions économiques aux Etats Unis“ — „Revue Economique politique“, Mai—Juni 1927.

² Hickernell „Financial and Business Forecasting“, 1928, P. 50.

„Закон „of Loanable Funds“ — общий руководящий принцип, наиболее важные перекрещивающиеся тенденции это: урожай, политика федеральных резервных банков, производство золота, международные финансы и иностранные валюты“. (Р. 51).

Например, работа федеральных резервных банков характеризуется „резервным коэффициентом“ (отношение резервов к общей сумме вкладов и эмиссии федерального банка). Согласно опыту, условия работы федерального банка признаются нормальными тогда, когда „резервный коэффициент“ 12 федеральных банков, всех вместе, составляет 75%. Если ниже 70%, то условия признаются достаточно напряженными. Коэффициент же 40% обозначает уже жестокий кризис. (Р. 93).

Для наблюдения за хозяйственной деятельностью Snyder („Business cycles and business measurements“, 1927) предлагает взять обороты расчетных палат, „так как в Америке, — говорит он, — 80% и больше платежей по всякого рода сделкам товарным, земельным и вознаграждениям за услуги производятся путем банковских чеков“ (Р. 134). Средний показатель за 1919—1922 гг.

$$\frac{\text{Debits}}{\text{clearings}} = 1,14$$

(т.-е. отношение всех выпущенных чеков (дебет) к сумме чеков расчитанных через расчетную палату).¹

Вместе с тем, Hardy и Cox считают, что обороты расчетных палат, а также индекс оборотов расчетных палат отражают изменения конъюнктуры, но не могут быть применены, как прямые показатели изменения хозяйственной деятельности, потому что и на них в свою очередь действуют много факторов (объем спекулятивной деятельности, изменение цен и т. п.), а также потому, что эти показатели, более полно отражают городскую, а не сельскохозяйственную деятельность. При этом, к методам хозяйственного и финансового предвидения пяти агентств (бюро) они относят следующее:

1) Изучение банковской статистики, состоящей из оборотов расчетных палат, активов и коэффициентов оборота депозита и указывающей, таким образом, объем торговли.

2) Изучение банковской статистики, касающейся широкого предложения, или недостатка кредита, указывающей положение самих банков, по движению процентных ставок, резервного коэффициента, отношения займов к депозитам международного движения золота и подобных данных, характеризующих положение денежного рынка.

Подведем некоторые итоги разбора теории и практики финансового планирования в капиталистической Америке:

1) Дело финансового планирования находится на той стадии развития, когда на ряду с „бюджетным планированием“ поднимается

¹ Цитирован. работа, Р. 135.

вопрос о составлении на длительный период финансовых программ, отдельных отраслей хозяйства. В порядке опыта в ряде городов составляют на длительный период, программы коммунальных финансов, развития железных дорог, телефонного дела и т. п. Исчисляются также вероятные обороты биржи, запасы золота, потребление и увеличение его на десятки лет (до 1950 г.).

2) Краткосрочное предвидение является преобладающим; оно распространяется на движение учетных ставок, ставок на долгосрочные вложения, изменения покупательной способности денежной единицы и на предвидение инфляции и дефляции.

3) Методы краткосрочного предвидения, по существу, являются учетом статистических рядов и закономерностей банковской работы. „Резервный коэффициент“, обороты расчетных палат, коэффициент оборотов депозита, учетный процент составляют основную банковскую статистику. Кроме того, используются статистические данные о производстве золота, международных финансах, условиях иностранной валюты.

4) „Контроль“ банков над хозяйственной деятельностью не имеет ничего общего с планированием народного хозяйства и, в частности, финансов советского Союза.

5) Единое финансовое планирование, в собственном смысле слова, не присуще капитализму. Оно само по себе является противоречивым. На базе разрозненных, несогласованных финансовых хозяйств отдельных отраслей народного хозяйства не вырастает единый финансовый план. Отсюда применение метода финансового синтеза остается за пределами возможностей капиталистической Америки.

6) „Плановые“ тенденции финансового капитала не преодолевают противоречий, анархию и нерациональность его генеральных линий развития. Социалистический план преодолевает и выкорчевывает остатки стихии и капитализма.

В силу принципиального различия методов, принципов, проблем и целей планирования капиталистического хозяйства и советских условий, американская теория и практика финансового планирования не в состоянии обогатить наш опыт и формировать нашу науку планирования.

Поэтому теоретическое освещение вопросов единого финансового плана базируется на обобщении опыта уже построенного пятилетнего плана и освоении идей социалистической реконструкции.

Определение понятия „финансы“

Для научного построения финплана необходимо теоретическое обоснование пройденного финансовой системой пути и специфических черт ее вероятного развития. Отсутствие завершенной экономической теории переходного периода, освещающей законы развития советского хозяйства, затрудняет выявить со всей полнотой и

определенностью сущность и развитие советских финансов. Научные работы (т.т. Бухарина, Кона, Леонтьева, Хмельницкой и Мендельсона), являющиеся попытками выявить основные элементы, из которых может сложиться теория советского хозяйства, — отмирание капиталистических категорий, прорыв ценностной оболочки и т. п. — лишь в известных пределах могут быть использованы для поставленных целей. Поэтому необходимо, прежде всего, исходить из накопленного опыта социалистического строительства. Сравнительный анализ финансов СССР и капиталистического хозяйства показывает, что природа советских финансов претерпела глубокие изменения. Не приходится доказывать, что без учета особенностей социально-экономической системы СССР невозможно их понимание. Наличие в руках диктатуры пролетариата главнейших хозяйственных высот, наряду с фактором планирования, является мощным рычагом для развития финансов по пути наивысших форм. Финансовая система с начала новой экономической политики строилась с учетом нового строя социальных отношений и новых социальных задач, поставленных революцией.

Принцип планирования финансов обеспечивает не только рациональное изъятие и привлечение средств, но и распределение их между отраслями народного хозяйства и социальными секторами его, в интересах планового развития производительных сил, индустриализации и обобществления.

В меру социалистического строительства и роста организованности народного хозяйства, в меру „народнохозяйственной установки в распределении производительных сил и концентрации ресурсов на решающих участках, в меру систематического возрастания производительных затрат и, наконец все большей взаимосвязи финансовых и экономических рычагов планирования и регулирования расширенного воспроизводства — вырисовывается лицо и сущность советских финансов.

В противовес практике капиталистического хозяйства, где материальные и денежные ресурсы противостоят друг другу, доходя до абсолютного противоречия в период кризиса, в советских условиях всем типом общественной связи обеспечивается иной характер противостояния и принципиально иное диалектическое единство между товарным и денежным обращением и единство финансовой системы. Последнее и обеспечивает единое финансовое планирование. Под этим углом зрения можно уже дать определение самого понятия советские „финансы“.

Термин — „финансы“ принадлежит к числу тех неопределенных понятий, в которые до настоящего времени вкладывается самое различное содержание. К числу главнейших определений относятся следующие: „Денежные и такие материальные средства государства или иного публично правового союза, которые могут быть переведены на деньги, составляют его финансы“ (проф. Болдырев.

„Лекции по финансовой науке“, стр. 4), „Ресурсом является то, что обобществленный сектор сам создает, а финансы являются лишь одним из методов перераспределения того, что в государственном секторе уже создается... они представляют собою лишь форму управления государственным хозяйством, а именно — денежную форму управления“ (проф. Юровский. „Проблемы реконструкции“, стр. 452), „В условиях СССР наиболее правильно понимать финансы, как совокупность ресурсов народного хозяйства, используемых бюджетом, кредитной системой и прочими учреждениями и организациями публично-правового характера для советского строительства в самом широком понимании последнего“ („Единый финплан“ — Труды Госплана УССР стр. 5).

Глубоко ошибочно то мнение, которое сводит „финансы“ к методу перераспределения того, что создается только в государственном секторе. До последнего времени и в специальной литературе, и различных ведомственных докладах, эта точка зрения базируется на том, что „у нас финансовое хозяйство срослось с государственным хозяйством“... И „что в этих условиях нельзя говорить о том, что народное хозяйство предъявляет требования к финансовой системе“ (проф. Юровский. „Проблемы реконструкции“ стр. 450). Кроме того, и методологически неправильно исходить только из разбивки на отдельные социальные секторы, не объединив их в единое понятие — единую хозяйственную систему СССР.

Практически эта концепция должна обозначать игнорирование и непризнание связи между производством и социальными отношениями, осуществляемой по преимуществу в сфере обращения, при помощи рычагов воздействия на сельское хозяйство — политики цен, перераспределения средств по бюджету, кредиту и т. п. В условиях, когда народнохозяйственная целевая установка на оптимальный темп развития диктует напряженный план, немыслимо ограничение социалистического строительства ресурсами только государственного сектора.

Не менее ошибочны те определения „финансов“, которые дают авторы „Единого финплана“ (Труды Госплана УССР) и иные с ними. Допускаемая здесь фетишизация финансов, представленных „совкупностью ресурсов народного хозяйства, извлекаемых бюджетом и прочими финансовыми институтами“... — свидетельствует об игнорировании авторами элементарных основ марксистского метода анализа.

Приведенные определения сохраняют воззрения буржуазной финансовой науки, сложившиеся в условиях капиталистической системы хозяйства.

Советские „финансы“ являются ярким выражением категорий, адекватных переходному периоду, формально сходных с категориями капиталистической системы хозяйства, но по существу отличных от них. Новая социальная сущность финансовых связей обуславливается

развитием новых производственных отношений, образованием и регулированием финансовой системы, как совокупности форм и мер, при помощи которых экономические процессы приобретают ценностную оболочку.

Отсюда „финансы“ — это метод планового перераспределения ценностей, создаваемых в народном хозяйстве, посредством планового же перераспределения денежных средств.

Не претендуя на сколько-нибудь исчерпывающую полноту определения понятия, так как последнее всегда весьма условно, надо полагать, что основной стержень дает то специфическое, что присуще „финансам“ революции. Последние, исключительно примитивные, с точки зрения буржуазной науки, в своем развитии исключив себя, ведут к высшим формам — социализму.¹ Поэтому к определению понятия „финансы“, больше чем к какому-либо другому, следует подходить динамически.

Понятие советской финансовой системы, как основа понятия единого финансового плана

Неразработанность вопроса, разноречивость взглядов, отсутствие целостности в методологии и построении единого финансового плана делает для нас необходимым ограничение темы. Кроме того, и состояние статистических материалов еще не находится на таком уровне, который позволил бы с уверенностью делать широкие обобщения. Настоящая статья является лишь попыткой вскрыть сущность, строение и задачи финплана в проектируемое пятилетие, и даже в этих пределах анализ финансовых отношений не претендует на исчерпывающую полноту научного обоснования.

Предметом исследования единого финансового плана является система финансовых отношений в народнохозяйственном плане.

Совокупность элементов, которыми располагает и может располагать финансовая система, лишь с того момента раскрывает сущность финансовых отношений, как социальных, когда эти элементы увязаны между собою в определенную целостную систему плана. Возможность подобной синтетической увязки базируется на наличии взаимосвязи между отдельными элементами финансовой системы, обусловленной специфической природой советских финансов.

Финансовые отношения находятся в неразрывной связи с хозяйственными процессами двойным образом: а) развитие хозяйственных процессов является фактором, определяющим финансовые отношения; б) финансовые отношения, в известных пределах, оказывают воздействие на развитие хозяйственных процессов. Ошибочно думать, что финансовые отношения представляют собою лишь пассивный рефлекс и играют только служебную роль. Они в свою

¹ Данное понятие „финансы“ не охватывает финансовых связей частного сектора, поскольку последние все больше теряют свое значение.

очередь активизируют эти материальные процессы. Степень активности по отдельным видам финансовой системы весьма различна. Сельскохозяйственный кредит в этом отношении стоит на первом месте. Воздействуя на частный сектор, он способствует не только развитию сельскохозяйственного производства, но и направлению его в сторону обобществления. Поэтому, задачей финансового плана является найти границы, пункты, меру этого взаимодействия. И нет ничего парадоксального, как это думает проф. Юровский,¹ в том утверждении Г. М. Кржижановского на V съезде Госпланов, что „в этих условиях народное хозяйство предъявляет требования к финансовой системе“. При помощи финансовой системы представляется возможным использовать наши плановые преимущества в большей и лучшей мере.

Взаимозависимость отдельных явлений хозяйственной жизни приводит к тому, что любое, сравнительно небольшое, изменение в них обнаруживается во всех частях и соотношениях финансовой системы. В силу этого, отдельные планы финансовой системы (госбюджет, местный бюджет, кредит, промфинплан и т. п.) должны быть связаны между собою. Такая связанность должна создать основу для построения единого финансового плана и для вытекающей из синтетической концепции единой финансовой политики. Следовательно, сущность финансового плана заключается в системе финансовых отношений, отображенных в известных цифровых лимитах. Однако, о сущности финплана один из авторов „Единого финплана“ (Труды Госплана УССР) — тов. Богорад, говорит следующее: „финансовый план, самая сущность его, заключается в цифровых исчислениях“... (из выступления на конференции по финансовым вопросам). Вот то специфическое, что, по мнению тов. Богорад, присуще финансовому плану и отличает его от любого отраслевого плана. Считать, что сущность финплана или, так сказать, его субстанция заключается только в этих цифровых исчислениях, это значит за поверхностью явлений не видеть существа дела. Только неовладение марксовым методом анализа может привести к подобного рода умозаключениям, как фетишизации цифры.

Отсюда, естественно, и все качества. Принципиальная установка тов. Богорад, игнорирующая анализ финансовых соотношений, ни в какой мере не приближает нас к выявлению и социального разреза финплана.

Основные элементы понятия единого финансового плана

По вопросу о базе финансового плана, его отношения к народнохозяйственному плану, балансу народного хозяйства, народному доходу и бюджету существует немало точек зрения и немало путаницы.

¹ „Проблемы реконструкции“.

Противопоставление финансового плана народнохозяйственному является противоречивым по существу, так как финансовые ресурсы представляют функцию материальных и, наоборот. Единство задач народнохозяйственного и финансового плана, тем не менее, не исключает постановки вопроса о качественном и количественном различии этих планов. Единый финансовый план должен создать предпосылки, обеспечивающие народнохозяйственный и социальный оптимум, и, в то же время, прочные условия, обеспечивающие равновесие самой финансовой системы. Кроме того, финансовый план должен явиться одним из способов проверки основных линий финансовой политики, а также расстановки и связи основных народнохозяйственных и социальных элементов.

Тем самым, единый финансовый план должен показать движение механизма расширенного воспроизводства. Само расширенное воспроизводство не обуславливает расширенный финансовый план. При расширенном воспроизводстве возможны как корреляция, так и сужение финансового плана, например, сужение денежного обращения, бюджета и прочих элементов его.

Следовательно, единый финансовый план, адекватный единому хозяйственному плану, являясь как бы производной этого целого, в то же время, представляет координированную часть его.

Это положение, ясное для марксиста, остается непонятым тов. Богорад¹. Последний, соглашаясь с неправильностью противопоставления финансового плана народнохозяйственному, воспринимает это лишь механически. При всей противоречивости, допускаемой им в определении, основным остается определение финплана, как части (синтетической) народнохозяйственного. Отсюда делаются выводы о том, что нет необходимости подчеркивать общие задачи этих планов, а нужно сосредоточить внимание на специфических задачах финплана, как части целого (при чем об этих специфических задачах тов. Богорад умалчивает, как он это делает и во всех тех случаях, когда надо дать позитивную целостную концепцию). В сущности говоря, эти выводы логически вытекают из тех принципиальных и методологических установок, согласно которым финплан не представляется адекватным народнохозяйственному и не является, таким образом, его стороной. Часть может быть только частью целого, так рассуждает тов. Богорад. Однако, одновременно часть может быть стороной обуславливающей, выражающей, обобщающей то целое, что именуется единым хозяйственным планом. И только, как соединение двух начал финплан может быть понят.

Что касается отношения финплана к балансу народного хозяйства, то типичными являются следующие рассуждения. „Баланс

¹ Из выступления на конференции по финансовым вопросам.

народного хозяйства, а вместе с ним и общехозяйственный план... исходит из рассмотрения народного хозяйства, как материального комплекса, отдельные части которого связаны между собою общностью задачи—произвести и распределить определенное количество реальных ценностей...

Наоборот, единый финансовый план вскрывает весь денежно-кредитный механизм общественного воспроизводства, рассматривая народное хозяйство как совокупность частно-хозяйственных элементов (тов. Миронов: „Единый финансовый план“. „Хозяйство Украины“, № 8—9 за 1928 г., стр. 222).

Сюда можно отнести и позицию проф. М. И. Боголепова. Последний считает („Кредит и хозяйство“, № 5, стр. 9), что „если финансовый план будет только балансом народного хозяйства, то значит у нас не будет финансового плана. Если бы у нас в руках был баланс народного хозяйства, имеющий свои материалы, свои методы, тогда бесконечно упростилась бы и консультация и работа над финансовым планом и он не перегибался бы в сторону исследования“.

Не придираясь к отдельным формулировкам, ошибочным и неясным (как, например, „народное хозяйство, как совокупность частно-хозяйственных элементов“ и т. п.), следует отметить правильность той позиции, которая считает, что баланс народного хозяйства, дающий изучение условий воспроизводства за данный отрезок времени, является базой для плановых мероприятий, намеченных на будущее.

Поэтому, очень существенным недостатком обладают те рассуждения, которые отношения финансового плана к балансу народного хозяйства сводят к вопросу объема их. В таком случае, говорится о том, что финансовый план ограничивается областью только финансовых соотношений, а баланс народного хозяйства дает соотношение материальных элементов производства. Например, проф. Соболев заявляет, „что финплан в конечном счете—часть баланса народного хозяйства“ („Финансы и Нар. Хоз.“, № 19, 1928 г.):

Ни один исследователь проблемы единого финансового плана не оставил без рассмотрения вопрос о базе его. Есть попытки товарную продукцию считать основной базой финансового плана. В соответствии с этим объем и содержание финплана представляются идентичными плану распределения товарной продукции.

С другой стороны, „в основу финансового плана, говорит тов. Персиц („Плановое Хозяйство“, № 9, стр. 336), должна быть положена система распределения народного дохода, в связи с которой (системой) должны быть приведены в тесной увязке данные по бюджету, кредиту, налогам, ценам, разным видам страхования и т. п.“.

Совсем в другом духе говорит тов. Миронов („Хозяйство Украины“, № 8—9 за 1928 г., стр. 221). „Первая часть финплана должна анализировать... финансовую организацию всего процесса

воспроизводства, другая на базе первой должна показать роль собственно финансовой системы, как фактора перераспределения народного дохода... и распределение народного дохода должно являться предметом анализа единого финансового плана не само по себе, а с точки зрения финансовой организации этого процесса".

Наконец, отметим основную позицию в этом вопросе, занимаемую авторами „Единого финплана“ („Труды Госплана УССР“). Она сводится к необходимости построения финплана на базе народного дохода. Однако, авторам пока еще не удалось связать концы с концами. Приводя в защиту этого тезиса один основной аргумент о необходимости построения финплана, как органически целого, экономически обоснованного, они не показали, в чем состоит метод финансового синтеза и его преимущества на базе народного дохода.

В этом отношении, следует предпочесть соображения тов. Миронова, который исходит, очевидно, из изложенной уже нами аргументации о соединении в финплане двух начал.

Четкая марксистская позиция требует также решительного отмежевания от попыток подменить построение единого финансового плана составлением „брутто бюджета“. Эта концепция — объединение всех финпланов государственного сектора в составе бюджета — ведет далеко от идеи финансового синтеза.

Проблема единого финансового плана, как проблема эпохи социалистической реконструкции

В последнее время, в лице проф. Юровского, снова проявились попытки рассматривать финансовый план, как расширенный бюджет.

Проф. Юровский указывает (из выступления на Конференции по финансовым вопросам в Госплане СССР), что 150 лет тому назад при Сперанском и Вяземском был составлен бюджет, который давал достаточно полное хозяйственное обозрение государственного хозяйства. Теперь это дает финплан, так как через госбюджет этой цели не достигается. Поэтому финансовый план он рассматривает, как расширенный бюджет. Здесь происходит простая эволюция той работы, которая происходила 150 лет тому назад.

„Если иметь в виду, что мы живем в условиях формирования социалистического хозяйства, говорит проф. Юровский, то можно сказать, что наше финансовое планирование находится, примерно, в таком состоянии, в каком находилось капиталистическое хозяйство при таком госбюджете, вне которого оставался бы еще целый ряд государственных ресурсов и целый ряд удовлетворяемых государством потребностей“.

Исходная позиция проф. Юровского ошибочна и неприемлема с 3-х точек зрения. Во-первых, она не соответствует действительности. Состояние финансового планирования у нас не таково, чтобы бюджет времен Вяземского (!) мог быть образцом. Мы могли убедиться в обратном, критически разобрав современное состояние фи-

нансового планирования в капиталистической Америке. Во-вторых, она забывает о наших преимуществах планирования обобществленного и регулирования частного секторов, взяв только государственное хозяйство. В-третьих, наконец, она игнорирует наше основное принципиальное различие, — планирование, как результат новых социальных условий.

Если исходить из того, что наш бюджет еще несовершенен и в отношении бюджета времен Вяземского и Сперанского и любой капиталистической страны в настоящем, то можно встать на позицию проф. Юровского и рассматривать финансовый план, как дополнительные проектировки к бюджету. Оставляя без рассмотрения вопрос о преимуществах нашего бюджета (и только так может стоять вопрос), надо прежде всего отметить, что здесь вовсе не эволюция в 150 лет. В условиях социалистического строительства, с укреплением планового начала, новые производственные отношения создают иной тип общественной связи, принципиально иное диалектическое единство между товарным и денежным обращением и, в конечном счете, — единство финансовой системы в целом. На основе единого хозяйственного плана, на этой принципиально иной основе строится единый финансовый план. Как не трудно было убедиться выше, ни в одной капиталистической стране немыслимо построение финансового плана. Последний не является придатком к капиталистическому бюджету, а представляет новую развернутую синтетическую форму народнохозяйственного плана.

В этом смысле финансовый план надо рассматривать, как план, а не как государственный акт. Финансовый план — не голая, не теоретическая абстракция, которую можно противопоставлять практической действительности, и проблема единого финансового плана — не „исследование“ и не хвостик, а насущная практическая задача эпохи социалистического строительства.

Проблема единого финансового плана — проблема научного познания диалектики категорий, системы связей и закономерностей в сфере финансовых отношений. Единый финансовый план должен быть не просто научным планом, а планом подкованным с точки зрения диалектического материализма.

В процессе формирования науки планирования становится необходимым взяться за очередное звено — формирование методологии и принципов финансового плана, подвергнув накопившийся материал диалектической обработке.

Этот участок работы наиболее отсталый. Здесь наиболее легко скрывается старая, изжившая себя, буржуазная финансовая наука. Противоречия в основных вопросах ее на данном этапе развития особо остры. Наша задача — противопоставить ей целостную марксистскую концепцию взглядов.

(Продолжение следует.)